

НОРА КРУК

ПРЕДИСЛОВИЕ: Анастасия Сойфер
17-го апреля этого года Норе Крук, "матриарху" современной русскоязычной поэзии Австралии, исполнилось 100 лет. Нора родилась в 1920 году в Китае, городе Харбин. Работала журналистом в Шанхае и Гонконге. В 1975 году в Гонконге вышел первый сборник её

стихов на английском языке. Она дружила с ведущими поэтами восточной иммиграции Валерием Перелешиним и Ларисой Андерсен, была знакома с Александром Вертинским.

С 1976 г. живет в Австралии. Здесь Нора серьезно заявила о себе как об англоязычном поэте: в 1993 г. она выигрывает австралийскую литературную премию Jean Stone Award; в 2000 г. побеждает на поэтическом конкурсе Союза писателей–женщин Австралии. Автор трёх сборников английских стихов. Переводит с русского на английский стихи М. Волошина, Б. Окуджавы, М. Алигер и др.; призёр и лауреат нескольких конкурсов переводчиков.

При этом Нора Крук остается русским поэтом:

От русских стихов никуда не уйти.

Что же ещё осталось?

В англоязычном моём пути

Слово не затерялось.

Её стихи на родном языке вошли в сборник "Русская поэзия Китая" (Москва, 2001); она публиковалась в периодических изданиях России, Америки, Китая, Израиля и Австралии. В 2008 году Нора Крук стала лауреатом литературного фестиваля "Антиподы: русская литература в Австралии".

В 2013 году вышла первая книга её стихов на русском языке "Я пишу по-английски о русском Китае", и вторая, в 2017 году – "Осколки памяти", где каждое стихотворение можно прочесть и на русском, и на английском языках. В стихах Норы – свой, ясно различимый поэтический "голос", особый "аромат". В них – трогательная, самобытная прелесть, кажущаяся лёгкость – и глубина. Это мудрые,

искренние, глубоко человеческие стихи о радостях и трагедиях длинной человеческой жизни, и о судьбах других людей, вплетённых в её ткань. А ещё в её стихах – отражение и переживание 20-го века с его войнами, потрясениями, жестокостью и ложью. "Когда я читаю Нору Крук, я вспоминаю Анну Ахматову. Как Ахматова, Крук – один из представителей глубоко серьёзной и гуманной традиции в поэзии" – писал о её творчестве австралийский поэт Peter Boyle.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В моих стихах
весь смысл как на ладони
хотя ладонь моя
полна секретов
все эти линии
следы агоний
и ожиданий
роковых ответов.

Слова

Я знаю стихотворенье
в тоненькой книжке:
перец, как пламя,
на белой стене.
В сухие, жаркие дни
слова берегут свои соки.
Гласные ощутимы,
как чьи-то губы,
трепетно влажные
французские гласные,
их чувственный ритм...
Как
 «В прошлом году
 в Мариенбаде»
голос гипнотизера
творит легенду:
белые стены пульсируют,

фрукты созрели,
сию минуту, СЕЙЧАС.
Это и есть ЖИЗНЬ.
Всё это по-французски
в книге «Слова»,
переехавшей с нами
вместе с тысячью книг
в новый дом.

Я ищу «Слова»,
ищу долго,
и вот держу её,
тонкую книжицу,
где Жак Превьер
колдует над нами.
Ни слова о красном перце.

Рождество 47-го года

Тянет, так тянет назад
в музыку Грига,
песню Сольвейг,
что я пела когда-то
в концерте.
Тёплый душистый воздух
(а за окном – холод
шанхайской зимы).
Тафта-шанжан
на узких бёдрах
переливается медью, огнём,
рубином. Умно скроенное
платье с «разорванным»
декольте... Шёлка шуршащий шёпот.
Всегда стихи, Рабиндранат Тагор,
розово-белая пена пионов,
тёмные волосы,
альный рот.
На обнажённых плечах
неуловимо тёмные духи Карон:
их заклинаньям подвластны все:

N'aimez que moi.

* Название духов фирмы “Карон”. Фраза “N'aimez que moi” означает “Люби только меня”. Эти духи, созданные в 1917 году, были посвящены всем влюбленным, расставшимся в Первую мировую войну.

Бывает ночь, когда мне тридцать лет...
Ну, пятьдесят – да ведь не в этом дело!
А в том, что ночью закипает бред,
И молодеют и душа, и тело.
И радость расцветает, как сирень,
Считаю лепестки, смеюсь и плачу.
Я не сумела удержать тот день,
Не верила, что я его утрачу.

Роза стояла, как балерина,
белая, с поцелуем кармина,
светлая, словно так – навсегда,
словно не в Лету течёт вода,
а к пикнику у живой реки.

Чуть задохнувшись благоуханьем,
роза держалась вторым дыханьем.
...Я соберу её лепестки.

Всё было – и всё забыто
Причёсано и умыто
И трава скошена
Только кладь не сброшена.

Полу-признанья, полу-секреты,
Все мы зачем-то в тайны одеты,
Словно минированные дороги,
И вот шагают, шагают ноги –
Ба-бах

Крушение
Крах.

Всё оттого, что нельзя открыться,
Выплеснуть всё – и сразу скрыться...
Только вот щель всё уже...
На дворе всегда стужа.

Ёлка. Праздник. Острый счастья запах.
Запах солнца, ели, хвойный свет.
Хоровод зверушек косолапых,
Пьяный, терпкий радости букет.

Жизнь уводит с елки в лес дремучий,
Там мерцают странные огни.
На ветвях висит туман колючий,
Под ногами путаются пни...

Не вернуться в радостное детство...
Время рассыпается, как ртуть.
У свечей зажженных не согреться,
В зазеркальный мир не заглянуть.

Шла мимо смеха
в чьём-то саду
мимо зонтов
и пустых качелей
по сухой траве
выпавшей синеве
(с облака джакаранды)
шла нехотя
под пустым небом
серым
сухим
ветер затих
только я шла
мимо чьего-то смеха

Глина

Плохие дни напоминают
неудачные горшки
испорченные огнём –
покарябанные, треснувшие изделия.
Ряд за рядом, ряд за рядом...

Фудживара*,
живая национальная драгоценность Японии,
работает с чёрной Бизанской глиной,
зажигает кильт охапками нарубленной хвои,
читает стихи,
гуляет среди деревьев,
мыслит,
живёт в безопасности.

Наша глина другая – напряжена.
Трудная, иногда рассыпающаяся
даже в огне любви.
Такое желание близости соединения
почти - осмосис, и всё же самость.
В цвете огней воображение
ощущает свою отделённость
и одиночество.

Плохие дни – это дни
разбитых вещей
разбросанных беззвучными
внутренними взрывами.

*Хирофуми Фудживара, японский скульптор.

Как положено, постарела,
Опостылели побрякушки,
И готова с бокалом в кресло,
В ярко-шелковые подушки.

Чтоб нахлынуло вдохновенье,
Под рукой рождались шедевры,
И родные бы ублажали,
А не действовали на нервы.

И как бабушку и прабабку,
Уважали б меня “за леты”,
За стихи на чужом наречье,
За бефстроганов и котлеты.

Я когда-нибудь все скажу
Моему любимому Богу,
И направлюсь в далекий путь
На невидимую дорогу.
Впереди бушует закат.
Что же будет со мной – прощенной?
И непонятой, и чужой,
И поверившей, и бездонной...

Юность мне подарила чудесные вёсны
Сплав застенчивой робости с верой в себя.
Были сны так легки, а печали – наносны,
Все пронзал пульс встревоженный бытия,

Озаренья, казалось. Казалось, прозренья.
За углом, за порогом – огромная жизнь
Для самоуглубления и для свершенья,
Чтоб без топи болотной, без тлена, без тризм.

Дальше – рост. Из подъемов, потом опаданий
Составлялись года, накопились года...
И однажды, в момент задушевных признаний,
Скажешь: порох не выдумать мне. Никогда.

Не создать никогда Карамазовых братьев...
Значит ставка на Счастье, Избранья взамен?

Миру ясному, складкам беременных платьев
Отдаюсь безраздельно в пожизненный плен.

Мы лечились Парижем. Французским и русским.
Богомольным, похабным, широким и узким.
Красота каждодневна, как хрусткий батон.
Бредит славой и гением Пантеон,
В ресторанчике русском «Вечерний звон»
Бредит...

Мы лечились Парижем. В листве зрела осень.
В облака прорывалась умытая просинь.
Пёстрый говор Метро, и Монмартр.
Город яркий, как ярмарка, мудрый, как Сартр,
Тасовал нас колодой разыгранных карт.
Париж!

Стихи по-русски – часто о прошедшем.
Оно всплывает на реке времен,
И делается болью об ушедших,
Но день восходит светом озарен.
А на сегодня – кто я?
Я не знаю.
Кого любила и кого ждала,
И может быть, друзей не понимаю,
А надо мной смеются зеркала.

Как разобраться в прошлом?
Прошлого было много,
И возникали зовы:
Радость, любовь, тревога.

И рассыпалась вера,
И обжигала жажда...
Можно к любви тянуться
И поллюбить дважды,

И разлюбить можно,
И пожалеть тоже
То ли себя, то ли...

Вырвалась из неволи
И собирай крохи...
Где-то метались сполохи
Будущего?
И вдруг ... Замкнулся круг.

Была долгая жизнь,
Значит – счастливая...